

Шендрикова С. П.

Крымский период и его роль в становлении великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой

В данной научной статье анализируются факты пребывания на Южном берегу Крыма великой русской актрисы Марии Ермоловой.

Ключевые слова: драматическая актриса, репертуар, бенефис, ведущие роли, сценическое искусство.

Актуальность исследования. 2011 год для Симферополя – юбилейный. Зданию одного из старейших театров Украины – Крымского академического русского драматического им. М. Горького – исполняется 100 лет. Эта славная страница не только в истории искусства полуострова.

К истокам Крымского театра причастны такие великие мастера сцены как М. Щепкин, Г. Федотова, П. Орленев и другие. Марии Николаевне Ермоловой не судилось выступать на крымских подмостках, но в её жизни наш полуостров оставил яркий след. Немногие крымчане знают о том, что великая русская актриса не раз была в Крыму, любила его и стремилась приехать вновь и вновь.

Цель данной научной публикации – показать на фактическом материале периоды пребывания Марии Николаевны Ермоловой в Крыму. *Задачами статьи являются:* анализ эволюции становления актрисы М. Н. Ермоловой, характеристика периодов ее творчества, рассмотрение вклада в

русскую культуру и влияние Крыма на творчество актрисы.

В разное время тематикой жизни и творчества М. Ермоловой занимались С. Дурылин (издал ряд работ о творчестве Ермоловой в Малом театре), А. Бродский (опубликовал ряд статей, посвященных сценическим образам актрисы), М. Малкина (занималась исследованием жизни последних лет актрисы). Крымские поездки Ермоловой на сегодняшний день освещены эпизодически, видимо, потому, что носили частный характер. В этой связи современным историкам, краеведам и культурологам представляется возможность открыть неизвестные страницы истории родного края.

Мария Ермолова родилась 3 (15) июля 1853 года в Москве в семье суфлёра Малого театра, автора нескольких пьес Николая Алексеевича Ермолова [1, с. 675]. Маленькая Маша росла в театральной среде. Имена великих актёров XIX в. Мочалова и Щепкина в семье Ермоловых произносились с особым трепетом и благоговением.

Все дети Николая Алексеевича Ермолова (четверо сыновей и две дочери), как и он сам, стали верными служителями храма Мельпомены. Однако, «состязаться» в сценических талантах с Марией не мог никто из них.

С трёх лет Маша очень часто бывала в «Доме Щепкина», отец брал её на спектакли в театр. И там, из суфлёрской будки отца, девочка видела на сцене игру и мастерство величайших актёров прославленной труппы Малого театра: П. Садовского, С. Шумского, И. Самарина, Г. Федотовой, М. Савиной, О. Садовской и других.

И уже тогда самой заветной детской мечтой Марии было страстное желание стать актрисой этого «волшебного театра».

Когда Маше исполнилось девять лет (в августе 1862 г.), родители отдали её в Московское театральное училище, куда девочка была зачислена «казённой воспитанницей <...> на балетное отделение» [2, с. 17]. Однако занятия в балетных классах для будущей драматической актрисы оказались мучительными, прежде всего потому, что Ермолова физически не соответствовала «балетным стандартам», была «нескладна и неуклюжа». Помимо этого, она не питала к балету никаких положительных чувств. «Она видела себя драматической актрисой, - писал Г. Добыш, - вопреки всем предсказаниям и сомнениям. Она не только верила, но и

стремилась воплотить свою мечту» [3, с.151].

Ермолова отдавала всё своё свободное время драматическим произведениям. Однако первая её роль в водевиле Д. Т. Ленского «Жених нарасхват», где юная Маша сыграла Фаншетту, оказалась неудачной. Главной причиной этого было не отсутствие у начинающей актрисы знаний, умений и опыта сценической игры, а неприязнь к ролям кокетливых барышень. Позже, Ермолова признается в своей не любви к водевилям [2, с. 17].

Вместе с тем, её по-прежнему манила к себе сцена Малого театра, о которой она мечтала с ранних лет. Видимо, желание девочки было так велико, что судьба подарила ей случай, который предрешил всю дальнейшую жизнь Ермоловой.

В 1870 г. в пьесе Готхольда Лессинга «Эмилия Галотти» нужно было срочно заменить заболевшую Г. Н. Федотову. Ведущей актрисе того времени Надежде Михайловне Медведевой, как одному из кураторов этого спектакля, предложили кандидатуру юной Ермоловой. Опытная актриса уже видела на сцене Машу и осталась очень недовольна. Н. М. Медведева была категорична, но настоятельные уговоры сделали своё дело, и тетрадь со сценарием спектакля была вручена Марии Ермоловой. Всего несколько дней отводилось шестнадцатилетней девочке, чтобы подготовить свой сценический дебют.

Начинающая актриса потом вспоминала: «Нечего говорить, как я боялась, репетируя эту трудную роль. Прежде это я часто воображала себе, как я в первый раз выйду без робости на сцену и как с триумфом кончу свою роль. Когда же это сделалось действительностью, вся уверенность меня оставила: Боже! – думала я, – не перенесу, если меня не вызовут ни разу! если я провалюсь!.. Первая сцена прошла, я ухожу и слышу громкие аплодисменты и вызовы... дрожа, но уже не от робости, а от счастья, я вышла раскланяться с публикой... мне единодушно хлопали; убежавши за кулисы я зарыдала... Молитва моя была услышана, заветная мечта исполнилась... Я актриса!» [3, с. 154].

«1870, в Малом театре, в пятницу, 30 января в пользу госпожи Медведевой в первый раз: «Эмилия Галотти», трагедия в пяти действиях, сочинения Лессинга, перевод А. Н. Яхонтова. Роль Эмили Галотти будет играть воспитанница Ермолова». Эта афиша сопровождала дебют будущей великой русской актрисы и ознаменовала начало её блистательного полувекового пути служения театральному искусству.

Один из родственников великого М. С. Щепкина, М. П. Щепкин, присутствовавший на упомянутом выше спектакле, о дебютном исполнении Ермоловой писал: «...госпожа Ермолова заставила нас забыть сцену» [2, с. 18–19].

Актёр Малого театра М. И. Лавров вспоминал первый выход начинающей актрисы в трагедии Г. Лессинга «Эмилия Галотти»: «...7 часов; оркестр играл увертюру, через несколько минут выбегает на сцену Эмилия Галотти (Ермолова)... Перед глазами публики и закулисных зрителей,... блондинка с чёрными выразительными глазами, серьёзным умным лицом... С каждым произнесённым артисткой словом её охватывает неожиданное чувство, и это чувство, как электрическая искра, летит к публике... Рассказ Ермоловой окончен, и зрительный зал... трепещет от рукоплесканий... С этого вечера о ней начинает говорить вся московская пресса, радостно приветствуя появление молодой талантливой актрисы и пророча ей блестящую будущность...» [4, с. 354–355].

А «блестящее будущее» на российской сцене молодая начинающая актриса сотворила себе сама постоянным недовольством собой: «...я работаю очень лениво. Мне уже 18 лет..., годы уходят, а я всё ещё ничего не делаю... Я бы желала, чтоб бедный человек уходил из театра с мыслью, что есть хорошая другая жизнь, или, сочувствуя страданиям актрисы, он бы забыл свои страдания, о своём горе, я бы желала, чтоб он смеялся от души и забывал что он в театре. Вот почему я люблю искусство» [3, с. 156].

Ещё Ф. Шиллер, предрекая судьбу актёра, сказал: «Мир умирает – и вместе с ним все его создания» [5, с. 12].

Актёр – творец величайших созданий-образов, которые умирают в момент своего рождения. Уровень художественной личности актёра и порождённых им образов определяются исключительно откликами современников. А потомкам остаются лишь мемуары, письменные критические заметки, афиши. Актёр, как сказал когда-то драматург и известный театральный деятель А. И. Южин – «пробежавшая зыбь, скользнувший луч» [5, с.12].

Говоря о бессмертии творческого наследия Марии Ермоловой, профессор С. Н. Дурылин писал: «Судьба артиста, художника сцены резко отличается от судьбы писателя, живописца, архитектора, композитора, после смерти которых остаются их создания – книги, партитуры, картины... Все творения актёра – созданные им образы – прекращают своё существование, как только актёр сошёл со сцены; сохраняется лишь память об его творческих созданиях. Для того, чтобы познать актёра в его творчестве, необходимо воскресить созданные им образы. Здесь особое значение приобретают воспоминания современников...» [2, с. 10]. В случае М. Н. Ермоловой – это её незабываемая Эмилия Галотти, Лауренсия, Катерина, Иоанна, Нигина, Мария Стюарт, Эстрелья, Тугина, Зейнаб и многие другие (всего более трёхсот ролей). Все эти героини были

«исключительно правдивы, так необычайно ярки, так творчески могучи и художественно совершенны, что они сохранились в памяти зрителей навсегда» [2, с. 10].

Возвращаясь к А. И. Южину, «о вечности Ермоловой» находим строки: «...вечное, это – то, что в Ермоловой выразилось в великой и гармоничной полноте: неутомимая жажда духовного перевоплощения в самые сложные и глубокие образы, – и образы, всегда полные высокого значения, высшего символа» [5, с. 16].

М. Н. Ермолова вошла в театральное искусство в первой половине 70-х г. XIX в. Период с конца 70-х – до конца 90-х гг. XIX в. в истории Малого театра, одного из ведущих театров Российской империи, выделяется театроведами как один из важнейших, эпохальных этапов в истории развития театрального искусства в целом.

В труппе Малого театра того времени фаворитами сцены были Г. Н. Федотова, Н. А. Никулина, Н. М. Медведева, И. В. Самарин. Однако уже сошли со сцены С. В. Шумский, П. Садовский – главные её «вожди», определившие курс театра. «Гликерия Федотова, – пишет Г. Добыш,- пришла на сцену раньше и к приходу Ермоловой уже безраздельно царила на ней. Однако между ними не было разрыва, и на протяжении всей жизни они поддерживали добрые отношения, относясь друг к другу с большим уважением [3, с. 160].

На тот момент передовая русская культура испытывала сильное влияние идей великих демократов XIX в. – Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Ермолова внимательно изучала труды Белинского и считала его своим учителем, «он не только открывал ей творческую глубину искусства Мочалова, он раскрывал ей эстетическое и общественное значение Пушкина, Лермонтова, Гоголя...» [2, с. 20].

Политическая ситуация и общественная жизнь России складывались таким образом, что в период 60-70-х гг. XIX в. имело место революционное движение. Ермолову, как молодую начинающую актрису, жаждущую свободы «для всех и вся», захватило это с головой. Она была участницей студенческих кружков, многие её близкие люди оказались активными фигурантами народнического движения 70-х гг., проповедниками так называемых «хождений в народ», распространявшими нелегальную литературу, содержанием которой был протест самодержавию, царившему в стране.

Н. Эфрос, биограф актрисы, писал: «Бывали поразительные сцены, когда Ермолова читала на концертах у студентов... Когда на одном из таких вечеров Ермолова читала революционные стихи, в том числе «Rugii iem» Л. И. Пальмина, начинавшиеся стокой: «Не плачьте над трупами павших борцов...», атмосфера в зале настолько накалилась, что к Марии Николаевне подо-

шел полицмейстер, предложил ей руку и вывел... А на следующий день в полиции ей было сделано «отеческое внушение»» [3, с. 163-165]. Это потом, в голодном и холодном 1918 г. в одной из своих бесед при встрече с В. А. Михайловским, историком и поклонником её таланта, измученная «великими переменами» лихолетья, старая актриса Ермолова скажет: «доигралась наша интеллигенция со своими свободами до полного рабства...» [6, с. 110].

Это будет потом, а пока молодая и полная светлых грёз и надежд М. Ермолова зачитывалась поэтом-современником, который всецело поглотил её думы. Это был Н. Некрасов. «В его поэзии актриса получила идейный закал, воспитавший в ней любовь к простому народу» [2, с. 21].

Ролью Катерины в «Грозе» А. Островского было положено начало образов, в которых Мария Николаевна выражала боль души, скорбящей за народ и его многовековые страдания. «Катерина, – как сказал профессор-театровед С.Н. Дурылин, – была создана Ермоловой под идейным воздействием статей Н. А. Добролюбова» [2, с. 22]. Сам же Добролюбов назвал этот сценический образ Ермоловой «лучом света в тёмном царстве купечества» [4, с. 355].

«И первою зарёю, и ярким солнцем, – как писал А. И. Южин, – этой эпохи обновление <...> в деятельности Малого театра была Ермолова. Как её нельзя

отделить от Малого театра этого периода, так и Малый театр – от неё... Может быть, даже помимо своей сознательной воли, она воплотила в себе целый ряд художественных и общественных сторон театра и актёра» [5, с. 27].

Первый бенефис актрисы Ермоловой состоялся в 1876 г. Мария Николаевна предстала перед зрителями в роли Лоуренсии в трагедии Лопе де Вега «Овечий источник». В этом бенефисе Ермолова дебютировала и как режиссёр. Вспоминая о спектакле, С. Н. Дурылин писал: «...передовая молодёжь расходилась из театра с вольными песнями, как с революционного собрания» [4, с. 355], и неслучайно, ведь проблемы, которые поднимала на сцене актёр и режиссёр М. Н. Ермолова, были очень актуальны на тот момент в российском обществе. Свободолюбивый настрой, витавший после премьерного показа спектакля «Овечий источник», был настолько велик, что буквально через несколько дней власти распорядились исключить постановку из репертуара Малого театра, а несколько позже и подавно запретили на долгие годы.

В ноябре 1881 г. режиссёр Мария Ермолова поставила ещё один «проблемный» спектакль. Это была драма «Корсиканка» Л. Гуальтьери. Сама Ермолова в этой постановке исполнила одну из центральных ролей – вольнолюбивую корсиканку Гюльнару, которая, мстя за свой униженный народ, идёт на тяжкое преступление –

убийство герцога. В своей роли актриса была блистательна и потрясла своей игрой зрителей. Как высказывается крымский историк В. Н. Сухоруков, «это был отчаянно смелый шаг..., учитывая, что от убийства Императора Александра II народолюбцами 1 (13 марта) 1881 года до премьеры «Корсиканки» прошло неполных восемь месяцев» [4, с. 356].

Как следствие, ввиду политического накала в российском обществе и «блудности» со стороны властей, пьесу немедленно исключили из репертуара театра. Постановка Ермоловой была запрещена.

Дореволюционный творческий период для Марии Николаевны вместе с тем был очень плодотворным. Она создала целую плеяду таких разных и неповторимых образов: Мария Стюарт в одноимённой пьесе, Королева Марго в «Ричарде III» Ф. Шиллера, Кручинина в «Без вины виноватых» и Негина в «Талантах и поклонниках» А. Островского, Офелия в «Гамлете» и Леди Макбет в одноимённой пьесе У. Шекспира, Королева Анна в «Стакане воды», комедии О. Скриба.

В 1889 г. Малый театр отметил 20-летний юбилей сценической деятельности М. Н. Ермоловой. Вот что писал по этому поводу журнал «Артист»: «Хроника. Бенефис М. Н. Ермоловой состоится в конце января, вероятно 30-го – день, в который Мария Николаевна 20 лет тому назад впервые выступила на сцене Малого театра в «Эмилии Галотти». В бенефисе

М. Н. Ермоловой пойдёт «Федра» в переводе М.П. Садовского [7, с. 186]

Театральные критики того времени единодушно считали, что особенно хороша была Ермолова в образах русской женщины. Драматурги-современники в этой связи писали пьесы «под Ермолову». А в 1890 году появился как-то сам собой специальный театральный термин – «ермоловские женщины» [4, с. 356].

Крымские подмостки, к сожалению, не могут похвастать тем, что на них выступала в своё время великая Ермолова. Однако, Мария Николаевна бывала в Крыму, и не раз. Она, как истинный ценитель прекрасного, была влюблена в крымские пейзажи, в открывающиеся взору морские просторы, в обрамление череды крымских гор. В 1898 г. на три летних месяца вместе со своей заболевшей дочерью Маргаритой Ермолова приехала в Крым. Они поселились в Кореизе. Много гуляли, дышали морским целительным воздухом. Мария Николаевна, устав от постоянной работы в театре, от суетливой и многолюдной столичной жизни, наслаждалась тишиной и одиночеством. В одном из ялтинских писем своей сестре, Анне, она писала: «Ну что тебе писать о Крыме; ты всё видела, всё знаешь, и поэтому можно ограничиться одним восклицанием. Красота, красота дивная... Море и лунные ночи, – представь себе только. Камни и скалы на водопаде, – представь себе только... Изумрудные волны, бьющиеся о берег, – представь себе

только... Но как ни хорошо, хочется ещё чего-то. Чего? Конечно, людей... Говорят, можно в Крыму соскучиться и не выжить целое лето. Это вздор... Конечно, опять главный вопрос в людях» [8].

Однако, к Крыму Ермолова была привязана всем сердцем, потому что встретила здесь однажды чудесных людей. Одной из самых близких для Марии Николаевны была чета «доктора Средина, жившего в Ялте, человека передовых демократических взглядов, – как пишет сотрудник Ялтинского краеведческого музея Л. Афанасьева, – высокообразованного, глубоко интересующегося искусством, друга писателей, художников» [9].

Впервые Ермолова познакомилась со Средиными в Ялте в 1898 г. На даче, где поселилась Ермолова со своей дочерью, жил и живописец Н. А. Ярошенко, один из ведущих художников-передвижников. Мария Николаевна подружилась с ним. В Русском музее и сегодня есть небольшой этюд – старый сад, озеро, одинокий лебедь – это кусочек Кореиза, который по просьбе Ермоловой в одной из их совместных прогулок набросал художник Ярошенко.

Там же, в Кореизе, жил доктор Алексин. Он-то в своё время и познакомил Марию Николаевну со своим другом Срединым, его детьми и супругой. Позже, в одном из своих писем, адресованных ялтинским друзьям из Москвы, Мария Николаевна напишет: «Я бывала много раз в Крыму, любила его всегда и всегда скуча-

ла в нём, всегда московские впечатления доминировали. Теперь я почти со страхом это говорю, было не так, я почти со слезами уезжала из Крыма... Значит, не одна природа виновата, да и люди... Всё дело в том, что я нашла людей по сердцу... Вся обстановка около вас дышит чистотой, порядочностью и теплотой... Целое лето провести так в вашей атмосфере – это точно очистить себя от грязи, которая выросла и налипла годами...» [8]. Это письмо было датировано 2(14) сентября 1898 года.

Леонид Валентинович и его супруга Софья Петровна Средины были, как и Мария Николаевна, коренными москвичами. Но из-за болезни туберкулёзом Леонида Валентиновича вынуждены были в своё время переехать в Ялту, несмотря на то, что Средин был «медицинским светилом», преуспевающим врачом в столице.

У Срединых в Ялте очень часто бывали многие известные музыканты, художники, поэты и просто интеллигентные люди того времени. По вечерам в обществе Средины, Тимковского, Алексина много беседовали, играли на скрипке, виолончели, пели арии из опер, читали стихи, монологи. «Хочется к вам на террасу, – писала Мария Николаевна, – хочется послушать, как «о скалы грозные крушатся с рёвом волны» [8].

Ермолова благодаря «срединским встречам» пережила новое ощущение к самому Крыму в целом, к Южному берегу, к Ялте. Она воспринимала это всё уже без-

раздельно: «Я пережила чувство влюблённости, как её переживают в восемнадцать лет. Я была влюблена в вас, в природу, в музыку, в вашу личность,... в голос и глаза Алексина, в характер Софьи Петровны...» [4, с. 357].

Благодаря подробной переписке Ермоловой со Средиными мы знаем, что Мария Николаевна бывала и в Севастополе. Так, в одном из своих коротеньких писем, которые она отправила в Ялте летом 1898 г., говорится: «Дорогой Леонид Валентинович, не удивляйтесь и не сердитесь. Я уехала в Севастополь. У людей, которые живут не разумом, а чувствами, бывают такие неожиданности» [2, с. 129].

После отъезда Ермоловой в Москву эта переписка не прекращается. Письма актрисы с завидным постоянством на протяжении всего года летят в далёкую Ялту: «(5 марта 1899 года, Москва)... Не дождусь, когда попаду в Крым. Так устала здесь...» [2, с. 151].

Летом 1899 г. благодарная встреча с любимыми Средиными состоялась. Ермолова снова приехала в Крым. Мария Николаевна опять привезла дочь в Ялту. На этот раз они остановились в самой Ялте, в гостинице «Россия» (ныне «Таврида»). И снова стали собираться на срединском балконе. В этот раз в доме Леонида Валентиновича Мария Николаевна познакомилась с Максимом Горьким, который летом 1899 г. тоже пребывал на лечении в Крыму.

В своей осенней переписке с доктором Срединым, в одном из писем, Ермолова делится своими впечатлениями и тёплыми воспоминаниями от нового знакомства: «Сейчас сижу за ролью леди Макбет... Как я буду рада, если к вам приедет Горький» [8].

В своих воспоминаниях художник М. В. Нестеров, часто бывавший в доме Срединых и познакомившийся именно там с М. Н. Ермоловой, приводит её слова: «Только на срединском балконе отогреваешься от московской стужи...» [10].

В последующей переписке со Средиными Ермолова делится своими душевными переживаниями по поводу «разгула антиобщественного модернизма, анархических тенденций в годы реакции 1907-1909 годов». В письме Средину за 13 марта 1907 г. Мария Николаевна пишет: «Я вижу, что вы сохранили в себе чувство прекрасного, не поддались мутным и грязным волнам упадочного искусства, которым мы залиты теперь со всех сторон: трудно и тяжело разбираться во всём, что у нас делается, но я вместе с вами верю, что жив бог земли русской!..» [10].

И через десять лет после посещения Крыма Мария Николаевна Ермолова писала любимому доктору Средину: «У меня одна мечта – поехать весной в Ялту, забраться к вам на террасу и вместе с вами вспоминать всё то хорошее, что мы пережили» [8].

Однако этому не суждено было случиться. Л. В. Средин в 1909 г. от тяжёлой болезни скончался. Их добрая тёплая переписка продолжалась десять лет, её не раз публиковали в журнале «Советский театр», а затем централизованно издали в сборнике «Письма М. Н. Ермоловой». Благодаря этой переписке мы узнали много нового из жизни великой русской актрисы. В своих письмах Ермолова раскрывается нам как гражданин, которому небезразлична судьба её родины, её народа. Раскрывается гражданская позиция Ермоловой, которую она снова и снова несёт на сцену, откуда заряжает ею своего зрителя.

С. Н. Дурылин, отдавший много лет изучению жизни и творчества Марии Николаевны Ермоловой, делает вывод, что такие её образы, как Катерина («Гроза»), Лауренсия («Овечий источник»), Нигина («Таланты и поклонники»), Гюльнара («Корсиканка»), Иоанна («Орлеанская дева») оказали на современников столько же огромное общественно-политическое воздействие, как «Бурлаки» Репина, как «Боярыня Морозова» Сурикова, как «Борис Годунов» Мусоргского, как «Анна Каренина» Толстого [8].

Последний раз Ермолова приезжала в Крым в 1913 г. Мария Николаевна остановилась в Гурзуфе [11, с.2]. Ей было уже шестьдесят лет, она устала от столичной сцены, театральных забот. Из Гурзуфа в Москву она писала: «У меня есть силы

встать в семь утра, взять ванну, обойти Гурзуфский парк, затем лежать днём <...> с книгой и лечь спать в девять часов... Помните, что в нынешнем году мне минуло шестьдесят лет... Мы отдали всё, что имели, театру, и больше ничего нет...» [4, с. 357]. Эти строки Ермолова адресовала художественному руководителю Малого театра, который предлагал ей возобновить спектакль «Макбет», поставленный в 1904 г.

Последние годы жизни великой русской актрисы выпали на тяжелейшие времена для России и всего народа: февраль и октябрь 1917 г. кровавой нитью опоясал судьбу Марии Ермоловой и её семьи.

В период революции и гражданской войны самой незащищённой оказалась русская интеллигенция, которая в своё время все свои умы и таланты отдавала служению отечеству.

В одном из писем дочери Ермолова пишет: «Милая Маргарита, живём всё так же, кроме разговоров о хлебе и дороговизне ничего не слышим (20 февраля 1917 года)». Или вот ещё: «...Говорят, железные дороги стали. Ни телефона, ни телеграмм нет из Петрограда. Мы отрезаны. У нас что-то затевается, никто не знает, что; газет нету... Пока ещё живы;... Что будет, не знаю (1 марта 1917 года)» [6, с. 99].

Мария Николаевна страдала от холода, голода, но главное – душевную боль она испытывала от мыслей о гражданской войне. Ей, глубоко русскому человеку, ак-

трисе, которая десятки раз играла на сцене «великую русскую женщину», воспевала её широкую душу, умение любить и прощать, было невозможно понять, как русские люди могут убивать друг друга, растоптать историю своего государства и попать доброе имя России в братоубийственной войне: «...Я давно всё это видела ясно и говорила, что так будет, вы же меня утешали, что всё это образуется. Конечно, образуется лет через триста! С нами конечно уже кончено, с нашим поколением, оно уже погибло, жизнь кончилась для него, потому что анархия не есть жизнь, и удивляться этому странно. Когда отнимают у народа веру в Бога, ему остаётся жить только разрушением, что и происходит... Не Россия погибла, оно когда-нибудь воспрянет, а наше поколение, конечно погибло!.. Самое ужасное в этом то, что приходится погибать от своих родных братьев, если бы можно погибнуть от врага, было бы на душе гораздо легче» [6, с. 99-100].

Театральный сезон 1917-1918 гг. Малый театр открыл 30 августа спектаклем «Горе от ума». Среди спектаклей того времени Ермолова выходила в трёх: «Без вины виноватые» А. Островского, «Светлый путь» С. Разумовского и «Стакан воды» Э. Скриба. Несмотря на плохое самочувствие и слабость здоровья, Мария Николаевна всё же продолжала играть, участвовала в благотворительных концертах, когда бы её не попросили, хотя сама

же как-то призналась: «Если бы вы знали, как неприятно теперь выступать на сцене. Ведь хорошо знаешь, что теперешней публике этого не нужно. И что это за публика? Совершенно чуждая тому искусству, которому мы посвятили всю свою жизнь» [6, с. 110]. А ведь «этой публикой» был тот народ, за права и свободы которого Ермолова стояла всю свою сценическую жизнь.

Во время Октябрьской революции спектакли в Малом театре были прекращены. 1 ноября здание театра захватил отряд красноармейцев из двухсот человек, и только спустя практически месяц, 21 ноября, спектакли возобновились.

С 1918 г. Ермолова в своём доме живёт в одиночестве. Её родные: муж Николай Петрович Шубинский, потомственный дворянин, член Государственной Думы, вынужден был в потоке беженцев покинуть Москву; дочь Маргарита Николаевна и внук Коля уехали в Крым и пребывали там до июня 1921 г. Только благодаря личному вмешательству в решение вопроса о возвращении дочери и внука Ермоловой в Москву самого Луначарского дело было решено положительно. В феврале 1921 г. в Ревком Крыма было послано распоряжение «оказать содействие в выезде» родственников великой актрисы [6, с. 110].

После революции Ермолова занимает лишь две комнаты на третьем этаже своего дома, некогда роскошного особняка, национализированного ещё в начале револю-

ции. По распоряжению власти, бывшую владелицу «уплотняют», а в дом подселяются несколько рабочих семей. И только в 1920 г. по инициативе К. С. Станиславского в Совнарком будет послано прошение «подарить» Ермоловой принадлежавший ей ранее дом.хлопоты режиссёра увенчались успехом, и в день 50-летнего юбилея сценической деятельности актрисы, из уважения к особым заслугам «застройщицы», дом Ермоловой всё же вернули [6, с. 110].

Надо сказать, 50-летний юбилей театральной деятельности Марии Николаевны Ермоловой Советская Россия отмечала очень пышно. Чествование великой актрисы продолжалось целую неделю. В рамках торжеств, начавшихся 2 мая 1920 года, Ермоловой первой в республике было присвоено звание Народной артистки, на вечернем празднике в Малом театре лично присутствовал председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ленин.

В 1924 г. актрисе М. Н. Ермоловой было присвоено звание «Герой труда» [4, с. 357].

Но всё это не могло радовать Марию Николаевну. Отчасти потому, что она чувствовала свою старость, свою слабость и незащищённость перед «новым временем», отчасти оттого, что она понимала невозможность своей «адаптации» в это «новое, не своё время»... Актриса перестала выходить на сцену в 1922 г. Старческий возраст, усталость от жизненных перипетий,

подавленное настроение и неотступные болезни заставили её это сделать.

Актриса умерла 12 марта 1928 г. в 7 часов утра. Ещё при жизни она завещала похоронить её рядом с родными: «Уж наверно, когда меня будут хоронить, будет дождь, все будут шлёпать по грязи... Ах! Проклинать меня будут, что заставила сюда тащиться... Хоть бы хорошая погода была!» [6, с. 111].

Мария Николаевна Ермолова похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Имя Ермоловой носит расположенный на Тверской улице Московский драматический театр.

Подводя итоги, надо сказать следующее: великая актриса отдала театру свыше пятидесяти лет своей жизни, «полной творческого горения, обильной художественными и общественными результатами. Вспоминать о Ермоловой – это значит «вспоминать о её великом искусстве, о её творческом и жизненном подвиге ради него, и ни о чём другом» [2, с. 9].

А. И. Южин писал: «...в облике Ермоловой есть одна великая особенность, развитая до такой степени, которая ставит её особняком не только от её современников русских и иностранных, но и от её предшественников. Эта особенность и поставила Ермолову впереди других. Эта особенность придала исключительное значение её великому таланту. Она выразилась в современно стихийном, не зависящем от сознательной воли самой ар-

тистки, преобладании её творчества над её личной жизнью... Мария Николаевна – историческая личность, и я вправе говорить о ней без стеснения... потому, что её настоящая жизнь – не в Ермоловой, а в том, во что перерождается духом Ермолова в своих величавых сценических созданиях» [5, с.58-59].

Таким образом, нужно отметить, что, несмотря на отсутствие гастрольных спектаклей Марии Николаевны в Крыму, само её фактическое неоднократное пребывание на полуострове автоматически напитывает, насыщает духовностью историю и современную жизнь Крыма. Мария Николаевна Ермолова являет собой одну из ярчайших страниц в истории театрального искусства Крыма.

Литература

1. Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Том XI. СПб. : Типо-Лит. И. А. Ефрона, 1893 – 958 с.
2. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. Гос. издательство «Искусство», Москва, 1955. Составитель сборника, проф. С. Н. Дурьлин. – 491 с.
3. Добыш Г. Звезды русской сцены. / Г. Добыш. – Москва : «Детская литература», 1992. – 176 с.
4. Сухоруков В. Н. Биографический словарь Крыма. / В. Н. Сухоруков. – Книга

- первая, Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 528 с., илл.
5. М. Н. Ермолова (редактор Александр Бродский). – М. : Худ. изд-во «Светозар», 1925. – 166 с.
 6. Малкина М. «Последние годы великой актрисы» (о М. Н. Ермоловой) / М. Малкина // Наше наследие. – 1997. – № 43–44. – С. 99–111.
 7. Театральный, музыкальный и художественный журнал «Артист», книга 4, декабрь 1889, Москва. Хроника.
 8. Петров Б. Ермолова в Ялте / Б. Петров // Курортная газета. – 1873, 13 октября. – № 202. – С. 3.
 9. Афанасьева Л. Письма в Ялту (к 125-летию со дня рождения М. Н. Ермоловой) / Л. Афанасьева // Советский Крым. – 1978. – 15 июля, № 141. – С. 4.
 10. Афанасьева Л. Великая актриса и её ялтинские друзья / Л. Афанасьева // Курортная газета. – 1963, 21 июля. – № 144. – С. 4
 11. Сошин Г. Г. Они жили в Ялте (справочник о деятелях культуры дореволюционного периода). / Г. Г. Сошин. – Ялта, 1967. – 233 с. (Рукопись. Хранится в РПНБ им. И. Франко).

У науковій статті йдеться про неодноразові приїзди на Південний берег Криму великої російської акторки Марії Єрмолової.

Ключові слова: драматична акторка, репертуар, бенефіс, ведучі ролі, сценічне мистецтво.

In the presented article the multiple guest performances around the Southern Coast of Crimea of an outstanding Russian actress Maria Yermolova are spoken about.

Key words: drama actress, repertory, leading roles, benefit performance, theatric art.